

ЛЕТОПИСНЫЕ ДАННЫЕ О ДРЕВНЕРУССКОМ МУЖСКОМ КОСТЮМЕ X—XIII вв.

Одним из важнейших источников по истории древнерусского костюма¹ X—XIII вв. являются летописи, свидетельства иностранных авторов (арабских, византийских, западноевропейских), а также памятники древнерусской литературы.

В настоящей статье делается попытка систематизировать и проанализировать разрозненные летописные сведения о древнерусском мужском костюме X—XIII вв. К сожалению, данные письменных источников, как древнерусских, так и иностранных, очень краткие и носят отрывочный характер. Это объясняется тем, что ни костюм в целом, ни его составные части, за редким исключением, не были предметом специального внимания летописцев. О них, как правило, говорится попутно, когда речь идет о каких-то более важных событиях. В большинстве случаев описываются костюмы князей и феодальной знати. В связи с этим мы рассмотрим только те письменные свидетельства, которые непосредственно касаются княжеского костюма и костюмов феодальной верхушки древнерусского общества.

В древнерусских письменных источниках встречаются названия конкретных видов одежды, обуви, головных уборов и украшений. Вопросам идентификации этих названий с конкретными элементами древнерусского костюма, засвидетельствованными археологически и изображенными в произведениях монументальной живописи и прикладного искусства, посвящены отдельные публикации и обобщающие работы², однако специальные исследования по этому вопросу отсутствуют.

Одежда. Наиболее раннее известие о княжеской одежде содержится в «Летописце Переяславля-Суздальского», где упоминаются «очервлена и багряна одѣнья, вси женчюгом исажжены», которые во сне получает древлянский князь Мал от княгини Ольги в качестве свадебного подарка³. Княжеские «пърты»⁴ представляли собой

большую ценность. Летописи неоднократно перечисляют их в числе княжеских даров и княжеского имущества: «...дая скота много и многи порты своѣ...»⁵; «многы дасть дары брату своему златомъ и серебромъ и порты разноличными...»⁶; «...разграбиша домъ княжъ ... злато и сребро, порты, паволокы и имѣнье ему же не бѣ числа...»⁷; «...се пришел бы товар въ руки, вам же буди кони, брони, порты...»⁸; «Мъсти-слав же одаривъ Кондрата конми красными и в сѣдлѣхъ в дивныхъ и порты дорогими...»⁹.

Одним из составных элементов мужской одежды феодалов в X—XIII вв. летописи называют рубаху. Так, например, в «Повести временных лет» при описании трагических событий, связанных с ослеплением теребовльского князя Василька, трижды упоминается «сорочка»: «...и сволокша с него сорочку кроваву...»; «...и пощюпа сорочки и рече: Чему есте сняли с мене? Да быхъ в той сорочкѣ кровавѣ смерть приля...»¹⁰.

В княжеско-феодалном обиходе бытовали две разновидности рубах — нижняя и верхняя. По летописным упоминаниям довольно трудно определить, где речь идет о нижней, а где о верхней рубахе, так как в древнерусском языке «сорочка», «сорочица», «срачица», «риза» обозначали как верхнюю, так и нижнюю рубаху¹¹. Исключение составляют только те письменные свидетельства, которые подчеркивают эту разницу: «Князь же Юрьи... приѣже в Володимерь... в первой сорочице, подклад и тыи вывергль...»¹². «Первая сорочица» в данном случае и есть нижняя, нательная рубаха.

Верхняя рубаха знати и князей шилась, как правило, из дорогих привозных тканей — шерсти или шелка, именуемого в источниках «брачина»: «Раби его (богатого) прѣди текоуще мнози въ брачинѣ и въ гривнахъ златахъ...»¹³. Такие рубахи (рис. 1) по вырезу для шеи и по подолу украшались золотной

Рис. 1. Изображение светского княжеского костюма в фресковой композиции «Св. Кирилл учит цесаря», Кирилловская церковь, XII в., Киев (прорись).

Рис. 2. Изображение княжеских плащей и шапок в миниатюрах «Сказания о Борисе и Глебе» из Сильвестровского сборника, XIV в.:

1 — «Владимир посылает Бориса против печенег» (прорись); 2 — «Глеб едет на конях...» (прорись).

вышивкой — «а ще и золотомъ шито оплечье будет — оубий»¹⁴.

Одеждой князей и бояр в древнерусское время была также свита. Этот вид одежды неоднократно упоминается в источниках в перечне богатых одежд: «...И начаша искиладати срачиць и свиты црскыю...»¹⁵; «открыте ларѣ и покажете я члвкоу оному, чѣто смоу хран тѣ за един свитоу...»¹⁶. Свита шилась как из теплых суконных, так и из шелковых тканей: «Свить прьскія и брачныя и красны видѣнием...»¹⁷; «сукно блѣо сермяжное да два сукна свиточных»¹⁸. Как видно из приведенных примеров, в зависимости от материала, из которого она шилась, свита могла быть как верхней теплой одеждой, так и видом одежды, аналогичным верхней рубахе. По мнению Г. М. Мироновой, слово «свита» в X—XIII вв. в своем первоначальном смысле означало нижнюю одежду¹⁹, а по данным И. И. Срезневского²⁰ — это может быть вид верхней одежды. Что представляла собой свита в конструктивном плане, по письменным источникам остается неясным.

В состав «пърт» и «одений» входил также плащ. В древнерусских летописях плащ-«корзно» (рис. 2, 1, 2) как вид верхней одежды знати и князей упоминается довольно часто. Так, например, в «Повести временных лет» под 1015 годом, при описании вокняжения в Киеве князя Святополка отмечается, что он, желая привлечь к себе сторонников, «...нача даяти овѣм корзна, а другим кунами и роздая множество...»²¹.

В Ипатьевской летописи под 1146 годом говорится, что князь Владимир Мстиславович при попытке защитить от киевлян Игоря Ольговича «...скочи Володимирѣ с коня и огорноу и коръзномъ»²². Убитого боярами князя Андрея Боголюбского также накрыли «корзно»²³.

Общий вид и способ ношения такого плаща описаны у арабского писателя ибн-Фадлана, когда он рассказывает об одежде русских купцов: «...носит какой-либо муж из их числа кису, которой он покрывает один свой бок и одна из его рук выходит из нее»²⁴.

Разновидностью плаща, употреблявшегося в княжеско-феодалном обиходе, был «мятьль». В Ипатьевской летописи при описании посольства киевского князя Изяслава Мстиславича к галицко-волынскому князю Владимиру Володаревичу княжеский посол Петр Бориславич «...види Ярослава, сѣдѣща на отнѣ мѣстѣ в черни мятли...»²⁵. Разное название плащей в письменных источниках связано, очевидно, с их функциональными и конструктивно-декоративными отличиями.

В летописях дважды встречается слово «луда»²⁶ в значении богатой одежды. Впервые «луда» упоминается в «Повести временных лет» под 1024 годом при описании усобицы между Ярославом и Мстиславом Владимировичами. Предводитель варяжских наемников Ярослава Якун поразил летописца своей красотой и дорогой одеждой: «...и бѣ Якунъ съ лѣпъ и луда бѣ у него золотом истькана»²⁷. В пылу битвы «...Якун ту отбѣже луды златоѣ...»²⁸. Вторично «луда» упоминается также в «Повести временных лет» под 1074 годом. Монах Киево-Печерского монастыря Матвей «...видѣ обиходѣща бѣса въ образѣ ляха в лудѣ и носяща в приполѣ цвѣтък, иже глаголется лѣпок»²⁹. Что представляла собой «луда» в конструктивном плане, судить трудно. Этимологически слово «луда» происходит в одном случае от древнескандинавского «lodi», что означает грубая верхняя одежда; в другом — означает ослепительную белизну, блеск и происходит от древнерусского «лудить» — обманывать, покрывать чем-то поверхность³⁰. Вероятно, «лудой» в древней Руси называли не конкретный вид верхней одежды, а любую одежду, изготовленную из яркой, расшитой золотом ткани.

Верхней одеждой князей и бояр в холодное время года был кожух. Происхождение названия этого вида одежды дается в Студийском уставе XI в.: «От кож устроенные ризы и мантиѣ, яже кожюхы бѣтъ нарицати обычай»³¹. Кожух упоминается как в летописях, так и в памятниках древнерусской литературы. В «Слове о полку Игореве» воины Игоря Святославича «...орьтьмами и япончицами и кожюхы начя мосты мостити по болотомъ и грязивым мѣстом...»³².

Галицко-волинский князь Даниил Романович также имел «...кожюхъ...» же оловира грѣдького и круживы златыми плоскими ошитъ...»³³. Сведения письменных источников о кожухе не дают, к сожалению, представления о его конструкции.

Относительно поясной мужской одежды (имеются в виду штаны), то они в памятниках древнерусской письменности не имели специального названия, как правило, употреблялось слово «пърты», которое означало как мужскую поясную одежду, так и одежду вообще (рис. 1).

Обувь. Судя по летописным сообщениям, основным видом обуви в X—XIII вв. на Руси были сапоги: «Новгородци же, съсѣдавѣше съ конь и порты съметавѣше, босии, сапогы съметавѣше, поскочиша...»³⁴. Этот вид обуви был распространен и в княжеско-боярской среде. Сапоги бояр и князей изготовлялись из хорошо выделанной цветной кожи «хѣза» и расшивались цветными (рис. 1), нередко золотыми нитками. Описание таких сапог имеется в Ипатьевской летописи: «...сапози зеленого хѣза шити золотомъ»³⁵ носил князь Даниил Галицкий.

Головной убор. Составной частью княжеского костюма и костюма «знатного мужа» был головной убор. Сведения о нем в письменных источниках встречаются крайне редко. в X—XIII вв. княжеские головные уборы назывались клобуками. Термин «шапка» в значении головного убора появляется только в XIV в. «Клобук» как светский княжеский головной убор упоминается в древнейшем списке «Сказания о Борисе и Глебе»: «И съня Бърнѣ клобукъ съ князя и видѣ нѣтътъ святого и съня съ главы и въдасти и Святославу»³⁶; «... на отнѣ мѣстѣ» и «...в клобуцѣ» был князь Ярослав Владимирович Галицкий при встрече с Петром Бориславичем, послом киевского князя Изяслава Мстиславича³⁷. Этими двумя сообщениями и ограничивается круг летописных известий о головном уборе. Как в летописях, так и в памятниках древнерусской литературы нередко упоминается шлем. Но ввиду того что он является составной частью военного доспеха, сведения о нем нами не рассматриваются.

Пояс. Обязательным и функционально необходимым компонентом в мужской одежде феодальных слоев древнерусского общества был пояс. Его отсутствие воспринималось крайне отрицательно. В «Повести временных лет», например, говорится, что на послов князя Владимира неприятное впечатление произвел тот факт, что мусульмане «...ся покланяють в храмѣ, рекше в ропати, стояще без пояса...»³⁸.

Княжеский пояс и пояс знатного дружинника были своего рода символом его доблести и богатства. Пояса были даже частью княжеских сокровищ и передавались по наследству. Так, галицко-волынский князь Владимир Василькович, будучи тяжело болен, начал раздавать свои сокровища «...и розда оубогым имѣние свое все золото и серебро и камене дорогое и поясы золотыи отца своего и серебряные и кубки золотыи и серебряные самъ перед своими очима поби и полья в гривны... и розсла млсно по всей земли...»³⁹.

Несмотря на то что во время археологических раскопок найдено значительное количество серебряных и золотых бляшек из поясных наборов, а также целый ряд шиферных формочек для их отлива, конкретные данные о внешнем виде и конструкции поясов князей и дружинников в древнерусских письменных источниках отсутствуют.

Украшения. Неотъемлемой частью мужского княжеско-феодалного костюма X—XIII вв. были украшения, которые вместе с металлическим поясным набором составляли так называемый металлический убор⁴⁰. Наиболее характерными мужскими украшениями в рассматриваемый период были фибулы-«сустуги», гривны, цепи-«чеши», кресты. Впервые «сустуги» как самая примечательная часть костюма древлянских послов к княгине Ольге упомянуты в «Повести временных лет»: «они же съдяху в переѣбѣѣ, въ великихъ сустугахъ гордящеся»⁴¹. Наиболее распространенным мужским шейным украшением была гривна. Ее носили князья и бояре, ею награждали верных слуг и особо отличившихся дружинников. В «Повести временных лет» при описании убийства князя Бориса упоминается большая золотая гривна отрока Ге-

оргия, которую князь «възложилъ на нь»⁴². Мужские украшения упоминаются и в Ипатьевской летописи: «...бюче же Михайла отторгоша на нем хрест и с чепми, а в нем гривна золота...»⁴³. Шейные украшения были символом знатности и богатства, их носили одновременно по несколько штук: «...главу его сосъкоша, трои чеши сняше золоты...», — говорит летописец, описывая убийство княжеского придворного Михалка Скулы⁴⁴.

В княжеско-феодалном быту имел место обычай носить серьгу в одном ухе. Так, византийский историк Лев Дьякон, описывая костюм князя Святослава, отмечал, что «в одном ухе у него висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами, с рубином посредине»⁴⁵. Такие серьги представляли собой, по мнению Г. Ф. Корзухиной, кольцо с нанизанными на него металлическими бусами. Они известны в ряде погребений дружинников X в.⁴⁶ Этот обычай зафиксирован письменными источниками и в более позднее время. В XIV в. великий князь московский Иван Иванович завещал своим сыновьям, кроме прочих предметов мужского убора, по «серге с женчугом»⁴⁷.

Вопросы идентификации летописных названий украшений с конкретными археологическими находками (по материалам кладов) рассматривались в свое время Г. Ф. Корзухиной⁴⁸. Сделанные ею выводы стали основой для дальнейших исследований в этом направлении.

Атрибутами светской власти в древнерусское время были диадемы и бармы⁴⁹. Это подтверждается как археологическими находками, так и изображениями древнерусских князей и членов их семей на монетах, миниатюрах, фресках. Но в памятниках письменности X—XIII вв. конкретных сведений о них нет.

В результате рассмотрения приведенных примеров можно сделать вывод, что в X—XIII вв. светские костюмы древнерусской знати и князей сохраняют элементы, характерные для восточнославянского костюма. Такими были: сорочка, свита, штаны, плащ, кожух, сапоги, шапка-клобук и характерные украшения. Сказанное подтверждается

как археологическими материалами, так и памятниками прикладного и изобразительного искусства.

Только со второй половины X в. в результате более тесных культурных связей с Византией и принятием на Руси христианства как государственной религии в обиходе феодальной верхушки древнерусского общества начинают в большом количестве использоваться привозные шелковые и парчевые ткани. В это же время оформляется и парадно-официальный княжеский костюм, в котором изображают князей в храмовых росписях. Отдельные элементы этого костюма (а именно длинная, до середины голени туника или «основная одежда»⁵⁰, богато украшенная золотым шитьем), были заимствованы из церемониального костюма византийских императоров. Но в повседневной жизни и в военных походах традиционные восточнославянские элементы в костюме древнерусских князей и феодальной знати продолжают преобладать, что явствует из рассмотренных письменных свидетельств.

Отметим, что сбор и анализ письменных данных о древнерусской одежде, обуви, головных уборах и украшениях необходимы для изучения истории древнерусского костюма, комплексное исследование которого предусматривает также рассмотрение археологических материалов и памятников прикладного и изобразительного искусства.

¹ Понятие «костюм» включает в себя собственную одежду, обувь, головной убор, украшения, атрибуты светской и духовной власти.

² *Арицховский А. В.* Одежда.— В кн.: *История культуры Древней Руси*. М.; Л., 1948, с. 234—262; *Корзухина Г. Ф.* Русские клады.— М., 1954, с. 50—62; *Лукина Г. Н.* Названия предметов украшений в языке древнерусской письменности XI—XII вв.— В кн.: *Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка*. М., 1974, с. 246—261; *Миронова Г. М.* Загальні назви одягу в давньоруській мові.— *Мовознавство*, 1977, № 1, с. 50—58; *Миронова Г. М.* Назви верхнього одягу в давньоруській мові.— Там же, № 6, с. 77—83; *Миронова Г. М.* Назви конкретних видів одягу в пам'ятках давньоруської мови.— *Укр. мовознавство*, 1978, вип. 6, с. 107—116.

³ *Летописец Переяславля-Суздальского*.— М., 1851, с. 11.

⁴ Сужение семантики этого слова происходит только в XV в. См.: *Филип Ф. П.* Лексика литературного языка древнекиевской эпохи: (По материалам летописей).— *Учен. зап. Лес-*

нингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1949, т. 80, с. 161.

⁵ ПСРЛ, 1962, т. 1, стб. 250.

⁶ Там же, 1858, т. 7, стб. 128.

⁷ Там же, 1962, т. 1, стб. 370.

⁸ Там же, стб. 495.

⁹ Там же, т. 2, стб. 908.

¹⁰ ПВЛ. М.; Л., 1950, т. 1, с. 173.

¹¹ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958, т. 3, с. 478—479.

¹² ПСРЛ, 1962, т. 1, стб. 499.

¹³ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958, т. 1, с. 175.

¹⁴ ПСРЛ, 1962, т. 1, стб. 495.

¹⁵ «Изборник» 1076 г.— М., 1965, с. 693.

¹⁶ Там же, с. 694.

¹⁷ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. 3, с. 275.

¹⁸ Там же, с. 276.

¹⁹ *Миронова Г. М.* Названия одежды в древнерусском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.— Киев, 1978, с. 5—15.

²⁰ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. 3, с. 275.

²¹ ПВЛ, т. 1, с. 95.

²² ПСРЛ, 1962, т. 2, стб. 351.

²³ Там же, стб. 591.

²⁴ *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских.— Спб., 1870, с. 93.

²⁵ ПСРЛ, т. 2, стб. 464.

²⁶ Слово «луда» разными исследователями переводится по-разному: плащ, плем, латы, маска, верхняя одежда. См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. 2, с. 49; *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах.— Спб., 1908, с. 646; *Крымский А. Е.* Древнекиевский говор.— *Изв. ОРЯС*, 1906, т. 11, кн. 3, с. 396; ПВЛ, т. 2, с. 371.

²⁷ ПВЛ, т. 1, с. 100.

²⁸ Там же, с. 100.

²⁹ Там же, с. 126.

³⁰ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967, т. 2, с. 528.

³¹ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. 2, с. 1246.

³² Слово о полку Игореве.— М.; Л., 1950, с. 13.

³³ ПСРЛ, т. 2, стб. 814.

³⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.— М.; Л., 1950, с. 56.

³⁵ ПСРЛ, т. 2, стб. 814.

³⁶ *Абрамович Д. И.* Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им.— Спб., 1916, с. 56.

³⁷ ПСРЛ, т. 2, стб. 464.

³⁸ ПВЛ, с. 75.

³⁹ ПСРЛ, т. 2, стб. 914.

⁴⁰ *Корзухина Г. Ф.* Русские клады.— М.; Л., 1954, с. 52—72.

⁴¹ ПВЛ, т. 1, с. 41.

⁴² Там же, с. 91.

⁴³ ПСРЛ, т. 2, стб. 352.

⁴⁴ Там же, стб. 733.

⁴⁵ *Багалея Д.* История Льва Диакона как источника для русской истории.— Киев, 1878, с. 26.

⁴⁶ Корзухина Г. Ф. Указ. соч., с. 59.

⁴⁷ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813, т. 1, с. 40—43.

⁴⁸ Корзухина Г. Ф. Указ. соч., с. 54—62.

⁴⁹ Толочко П. П. Про привалежність і функціональне призначення діадем і барм в

Древней Руси.— Археология, 1963, т. 15, с. 145—163.

⁵⁰ Впервые этот термин был введен А. В. Арциховским. См.: История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948, т. 1, с. 250.